

УДК 159.953.34:347.77.028.32+005.591.6(470.11)

КОРОТАЕВ Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 47 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий

ВОСПОМИНАНИЯ: МЕЖДУ НОСТАЛЬГИЧЕСКИМ МИФОМ И ОБЪЕКТИВНЫМ ОПИСАНИЕМ (на примере воспоминаний о Сульфате)

В статье исследуется связь между ностальгическим мифом и объективным описанием в текстах воспоминаний на примере 54 воспоминаний о Сульфате (Северном округе г. Архангельска): материал классифицирован по «типу» отношения к советскому прошлому, а также по принадлежности авторов к тому или иному поколению.

Ключевые слова: ностальгия, ностальгический миф, догоняющая модернизация, идентичность, социализация, ресоциализация, адаптация, дезадаптация, советский человек.

В последние годы в отечественных СМИ, научных публикациях, кандидатских и докторских диссертациях, в основном философов, политологов, социологов и культурологов, стало много внимания уделяться феномену ностальгии. И не только в России, странах СНГ, но и в странах бывшего социалистического содружества. Причина ясна: в конце 1980-х – начале 1990-х годов население этих стран как «манны небесной» ожидали существенно лучшей жизни от выбора новой (капиталистической) перспективы развития, причем с помощью Запада. Через некоторое время затянувшиеся и неоправданные ожи-

дания вызвали разочарования, т. к. идеализированный капиталистический образ жизни не соответствовал ожиданиям и реалиям. Как следствие – желание вернуться к тому, от чего отказались – к социализму, но не реальному, а идеализированному. Это и есть ностальгия. Ее явные признаки – растущий интерес к воспоминаниям о советском времени, к его повседневности.

Именно поэтому для историка вновь оказались востребованы воспоминания о советском периоде истории России. Причем прежде всего рядовых людей, а не крупных государственных, партийных и военных деятелей.

Захотелось узнать, как все на самом деле было на уровне повседневной жизни обычных людей.

Исследований об истории советской повседневности, т. е. не о трудовых подвигах, а о будничной жизни жителей заводского поселка, да еще ориентированных на выявление соотношения ностальгических воспоминаний и объективного описания, почти нет. Нам удалось подготовить и опубликовать две книги под общим названием «Сульфат. История повседневности». Сульфат – продукт народной и повседневной этимологии. Ему соответствует современное (с 1991 года) официальное название: Северный округ г. Архангельска. Первая книга охватывает период 1930–1960-х годов (Архангельск, 2010), вторая – 1930–1990-х годов (Архангельск, 2012). Во второй книге нет повторения того, о чем написано в предыдущей книге применительно к 1930–1960-м. Это новые материалы, в т. ч. воспоминания. Всего в этих книгах представлены воспоминания 51 человека, в т. ч. 3 автора представили свои воспоминания в обеих книгах, и опять-таки не повторяясь. Особенность этих двух книг состоит в том, что в них, кроме воспоминаний, представлены читателям письма, дневники, визуальные источники и иные материалы, целью включения которых было стремление всестороннее показать повседневность Сульфата в XX веке. Эти книги являются для нас источником по теме статьи.

Предмет нашего исследования – соотношение ностальгического мифа и объективного описания в воспоминаниях о советском, а отчасти и постсоветском прошлом (1930–1990).

Методологической основой статьи является концепция догоняющей модернизации. Ее смысл в том, что власти России/СССР время от времени пытались очередной тупик в развитии страны преодолеть посредством реформ и заимствования на Западе того, что позволило бы в короткий срок «догнать» Запад и выйти из тупика. На самом деле в процессе заимствования рождались симулякры,

т. е. заимствовалась (кроме науки, техники и технологии) форма политической и правовой культуры и «наполнялась» российским традиционным содержанием. Отсюда – сбои в очередной попытке осуществления догоняющей модернизации, непонимание народом реформ, отчуждение от власти и, как следствие, ностальгия народа и контрреформы власти. Этот процесс неплохо изучен [1, 3, 7, 8].

Для определения содержания основных понятий статьи, воспользуемся принципом тезауруса. Понятийный тезаурус базируется на тесной связи однопорядковых по контексту понятий с ключевым (доминантным) понятием, в данном случае – с понятием «идентичность». Общеупотребительное истолкование понятия «ностальгия» – это тоска по родине, по дому; тоска о прошлом, о пережитом и утраченном. А.С. Чикишева считает ее разновидностью личностного кризиса, имеющего отношение к идентичности. «Социальная ностальгия» – тоска по «некоему идеальному миру» [9, с. 267, 268]. Главное, что объединяет индивидуальную и социальную ностальгию – это идеализированный образ прошлого, или «ностальгический миф» (символ, посредством которого моделируют мир сквозь призму высшей реальности, воспринимаемой в виде идеального прообраза или архетипа) [9, с. 270]. Следующая пара понятий: социализация и адаптация и производные от них. Их убедительно представил в своей работе теоретико-методологического характера Н.А. Головин [2]. Тем более что в его и Чикишевой работах одно и то же доминантное понятие – «идентичность». «Социализация» – обретение социальной идентичности в процессе воспитания, обучения и усвоения норм общежития индивидом при активном его участии в собственном становлении. Тем самым индивид может стать личностью и вместе с тем обладать социальной идентичностью. «Адаптация» – процесс приспособления к изменениям внешних условий и среды обитания индивида/личности при сохранении собственной идентичности и незначительной ее корректировке

[2, с. 19, 20]. В противном случае происходит «дезаптация», т. е. потеря собственной идентичности, кризис и необходимость в «ресоциализации» [10] – повторной социализации находящихся в зрелом возрасте людей. Таковы базовые понятия, которые будут использоваться в этой статье.

Формирование основополагающих черт «советского человека», или советской идентичности, пришлось в основном на вторую половину 1930-х – 1940-е годы. Этот процесс осуществлялся системно и путем первичной (7–13 лет) и вторичной (14–28 лет) социализации (начальная, неполная средняя, средняя и высшая школа, производственный коллектив и работа по окончании учебных заведений в эти годы). Агитационно-пропагандистский аппарат ЦК ВКП (б), опираясь на большевистскую идеологию и уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность», приспособленную к советским ценностям [см.: 5, с. 362–381], посредством СМИ и культуры «социалистического реализма» создал тип «советского человека». «Новый человек» обладал такими признаками, как коллективизм и признание приоритета общественных ценностей над личными, социальная справедливость, государственный патернализм, слабая личная активность, приоритет духовных ценностей, настороженное отношение к богатству и т. п. [5, с. 270; 10]. Эти признаки сформировались на основе предшествующего образа жизни «дореволюционного человека» и его ментальностей. В результате трансформации ценностей удалось мобилизовать значительную часть россиян и победить в Великой Отечественной войне, а сама эта война явилась своего рода катализатором формирования (и проверки) типа «советского человека».

Советский ностальгический миф включает в себя следующее: «личность в принципе свободна, но должна подчиняться обстоятельствам во имя великой цели; ценность законопослушания; моральный императив

(уважай старшего, защити слабого и т. д.); политкорректность (утверждение равенства полов, национальностей, рас); обязательность наказания зла и торжество доброго начала; мистический коллективизм (перекладывание личной ответственности на виртуальное общество)» [9, с. 274].

Н.А. Головин обосновал типологию политических поколений России. В соответствии с ней интересующие нас 51 автор воспоминаний книг о Сульфате относятся к политическим поколениям 3-х советских периодов, а один – к постсоветскому периоду [2, с. 131–135¹]. Он считает, что для выделения «социального поколения» существенны общность возраста и некоторая социальная идентичность, т. е. единство условий социализации, один и тот же социальный и исторический опыт. Когда же в социальном поколении формируются различия в самоопределении возрастных когорт, то можно говорить о превращении социального поколения («поколения в себе») или его части в «политическое поколение» («поколение для себя»). Головин убежден, что война может объединять все поколения [2, с. 92–94].

Проверим, в какой степени выделенные им поколения и их базовые характеристики соответствуют авторам воспоминаний о Сульфате. На наш взгляд, нужно учитывать и такой фактор, как «привязанность» людей к месту рождения, проживания и длительность пребывания здесь. Если люди не покидали места своего рождения в период первичной и вторичной социализации, то у них в большей степени формировались общие для поколения черты, чем у тех, чья вторичная социализация проходила в крупных городах или столицах.

Время для массового проявления ностальгии в воспоминаниях пришло после развала СССР и «кончины» советского строя, когда власть неявно избрала капиталистический путь развития. Закономерно, что время с 1992 года квалифицируется учеными как «постсо-

¹ Политические поколения представлены на с. 8 и в *таблице*.

ветская кризисная трансформация общества» (Н.А. Головин), «культурная травма» как конфликт ценностей (А.А. Новикова), «историческая травма» (А.Б. Асташов). Под травмой понимается глобальная дезадаптация общества к изменившимся условиям существования. Например, Петровские реформы, Великие реформы, форсированная индустриализация и коллективизация 1930-х годов, реформы 1990-х годов, к которым люди не были подготовлены. В результате – травма, т. е. неспособность принимать решения привычным способом.

А теперь обратимся к воспоминаниям о Сульфате. Сульфат – повседневное, неофициальное название сначала посёлка целлюлозников/бумажников, а в 1958–1968 годах, когда СЦБК и лесозавод 16-17 объединились в СБДК, – и соседнего посёлка лесопильщиков. Официально оба посёлка именовались Посёлком первых пятилеток, и административно являлись микрорайоном Соломбальского района г. Архангельска. В 1991 году Посёлок первых пятилеток был переименован в Северный территориальный округ Архангельска. Поэтому в книгах по истории повседневности именованье «Сульфат» применительно к этим двум посёлкам можно считать вполне корректным. А посёлок лесопильщиков жители обоих посёлков в повседневном обиходе называли Молотовским – по официальному званию лесозавода № 16-17, которого он лишился в 1957 году.

Территория и население Сульфата (и Молотовского посёлка) изначально обладали своей географической и социокультурной спецификой. Оба посёлка возникли на базе «индустриальных гигантов» (лесозавод № 16-17 имени Молотова и ССЦЗ имени С.С. Лобова) в 1930-х годах на необжитом, изначально малопригодном (заболоченном) для проживания месте. Сначала каждый из посёлков имел свою администрацию и инфраструктуру. Подавляющая часть их первопоселенцев – вчерашние крестьяне. Они около четырех десятилетий имели огороды, а некоторые и скот.

На протяжении 1930-х – 1950-х годов население посёлков не имело соответствующего их статусу (Соломбальского района Архангельска) регулярного транспортного сообщения и телефонной связи с городским центром. Поэтому существенную роль в первичной и вторичной социализации населения играли две школы, три клуба, а после Великой Отечественной войны и Дом культуры. Уже с конца 1950-х годов выпускники средних школ начали покидать Сульфат ради получения среднеспециального и высшего образования либо в Архангельске, либо в других городах СССР. Их вторичная социализация происходила вне Сульфата, куда значительная часть из них уже не вернулась, т. к. здесь либо не было для них соответствующих их специальности рабочих мест, либо они получили их в других городах.

В основе воспоминаний – анкета, разработанная В.И. Коротаевым на базе имеющихся в научной литературе самых общих признаков применительно к истории повседневности. Анкета была опубликована в заводской многотиражке СЦБК «Голос рабочего» (15.03.2008). Кроме того, она использовалась В.И. Коротаевым и его добровольными помощниками, записывавшими воспоминания со слов их авторов и на диктофон (для второй книги). В этой анкете для работников комбината сформулировано 17 вопросов, из них 8 прямо или косвенно позволяли выразить свое отношение к советскому времени: 4. Особо выделить роль школ в жизни подрастающего поколения; 5. Времяпровождение детей, подростков, молодежи (выезд в Кривое, Ракулу и т. д.; пионерлагеря, агитбригады). Неорганизованный отдых – каким образом и где?; 7. Партийные, комсомольские и иные собрания: их роль в жизни посёлка; 8. Роль Дома культуры в жизни детей, молодежи и взрослых: участие в кружках, спортивных секциях, на вечерах, смотрах, выборах и т. п.; 9. Появление радиоприемников, магнитофонов, телевизоров и их роль в просвещении и досуге; 13. Спортивные соревнования: где, когда и кто их организовыв-

вал, отношение к ним болельщиков; 15. Что сплачивало людей в разные периоды в истории поселка?; И что сегодня сплачивает людей поселка (общая память, общие дела)?; 17. О чем мечтали, на что надеялись жители поселка в то время (от лица пишущего воспоминания)?

Авторы второй книги о Сульфате руководствовались преимущественно этой анкетой, хотя в «Голосе рабочего» (наряду с ней) рекомендовалась другая, более сложная (2010). В нее входили такие вопросы, как традиции питания, интерьер, костюм и мода, шкала ценностей, вера, страх и т. п. Разумеется, эти вопросы-темы были детализированы. Обе анкеты и подготовленные на их основе воспоминания позволяют раскрыть данную тему статьи, т. е. соотнести ностальгический миф и объективное описание в самих текстах воспоминаний.

Анализируя содержание 54 воспоминаний, удалось выявить 5 «типов» отношения к советскому прошлому: 1) объективное описание, но с элементами критики, иронии и юмора; 2) нейтральное, т. е. собственно объективное описание, без выражения личного отношения к предмету описания; 3) между ностальгией и объективным описанием; 4) ностальгия в неявном выражении; 5) явно выраженная ностальгия. Первое отношение не нуждается в пояснении. Второе – почти научное описание, ограничивающееся констатацией. Третье – ностальгически неявно выраженное отношение к советскому времени, с описанием случаев девиантного поведения подростков Сульфата и в целом объективное описание («что было, то было»). Четвертое – ностальгия в неявном выражении. Например: «На всю жизнь остались детские впечатления от книг А. Гайдара. ...Затем были герои-пионеры...». О смерти Сталина: «У людей было "непоказное" горе, многие плакали». И это на фоне преобладающего объективного описания. Пятое – явно выраженная ностальгия проявляется в противопоставлениях типа «тогда и сегодня» и в почти декларативных формах. Например: «Комсомольские и пар-

тийные собрания – праздник». Или: «Пионерские и комсомольские собрания решали все: что читать (а что не следует читать), как правильно жить. Конец 1970-х – начало 1980-х – время было доброе». Пример невольной подмены одного другим, декларативность и использование пропагандистских клише: «Хоть теперь и говорят, что плохо жили, а завод план перевыполнял. <...> Вот я всегда говорю своим детям и внукам: двух лет не прошло... кровь на полях не запахана, мины и трупы с полей не убраны, а хлебом он [Сталин. – В.К.] сумел всех накормить».

Большинство авторов воспоминаний в данный момент проживают в Северном округе Архангельска (35 чел.), часть – в центре Архангельска (12 чел.), в других округах (4 чел.).

Теперь разделим воспоминания в соответствии с принадлежностью авторов к тому или иному политическому поколению. В соответствии с типологией Н.А. Головина, первое советское политическое поколение – это граждане 1903–1918 годов рождения. Их вторичная социализация пришлась на 1917–1946 годы. Ко второму советскому политическому поколению он относит родившихся в 1919–1933 годах. Их вторичная социализация пришлась на довоенное время, войну и послевоенное время. Это политически однородное и патристическое поколение. Третье советское политическое поколение, по мнению Головина, составляют те, кто родился в 1934–1964 годах. В нем он обособил поколение «шестидесятых» 1934–1952 годов рождения и поколение «застоя» 1953–1964 годов рождения, имевших разный политический опыт во время вторичной социализации. У поколения «шестидесятых» вторичная социализация пришлась на период «оттепели». Их молодость совпала с периодом стабилизации советского общества, поэтому первому поколению свойственны оптимистические настроения (в 1965–1972 годах). У поколения «застоя» вторичная социализация приходится на 1972–1985 годы, когда политическая атмос-

фера стала консервативной. В эти годы состоялся «своего рода “общественный договор” между властью и народом, допускавший послабления в отношении трудовой дисциплины и мелкого воровства на предприятиях в обмен на политическую лояльность масс». Этому поколению свойственно «двоемыслие» [2, с. 134–138; 1, с. 38¹]. Проверим, насколько «работает» типология Головина на нашем материале, сгруппировав содержание воспоминаний по советским политическим поколениям и по отношению к советскому прошлому. При этом необходимо учитывать, что небольшое число воспоминаний позволит лишь выявить разные «типы» отношения их авторов к советскому прошлому, а таблица даст возможность сделать некоторые самые общие наблюдения на ее основе. Из *таблицы* явствует, что более 2/3 воспоминаний (70,4 %) написано поколением «шестидесятых», чья вторичная социализация пришлась на благоприятный для них период стабилизации политической жизни в стране (1965–1972). На момент публикации воспоминаний им было 65 и больше лет, они жили на скудные пенсии, если не подрабатывали. Поэтому у них были основания для ностальгии и недовольства нынешним их положением. Впрочем, в крупных городах и культурных центрах этот период был короче – до Пражской весны 1968 года. Но Сульфат – не центр Архангельска, а северо-восточная окраина, заводской поселок. Сюда отголоски крупных политических событий доходили по «остаточному принципу». Здесь вся жизнь населения зависела от работы 2 предприятий, на бюджете которых находилась большая часть социально-бытовой инфраструктуры.

Неслучайно, именно это поколение предопределяет общее отношение к советскому прошлому. Здесь почти поровну тех, кто нейтрально относился, и тех, кто ностальгировал применительно к недавнему прошлому. Кста-

ти, ностальгических воспоминаний могло бы быть и больше, но часть их авторов следовали вопросам анкеты или записывались на диктофон, поэтому отвечали кратко. Сама данная процедура не позволяла людям в полной мере выразить собственное отношение к советскому прошлому.

Воспоминания, как правило, начинаются с раннего детства и школьных лет. Нередко они считаются лучшими годами, и это естественно для беззаботного и не отягощенного ответственностью возраста, даже в бедных семьях. Разница между бедными и относительно обеспеченными в конце 1940-х – первой половины 1950-х годов состояла лишь в том, что в бедных семьях, особенно без отцов, детям раньше пришлось помогать родителям или только матерям. На Сульфате именно они и учителя ностальгируют по советскому времени, например, вспоминая о том, что кружки и спортивные секции в Доме культуры были бесплатными в отличие от сегодняшнего дня.

На втором месте по количеству авторов воспоминаний (12 чел.) те, кого Головин относит ко второму советскому политическому поколению. Их вторичная социализация, так или иначе, связана с Великой Отечественной войной. Среди них в два раза больше «нейтралов», чем ностальгирующих. И это соответствует его оценке их политического сознания: это поколение «политически однородно и патриотично». Они терпимее относятся к изменениям в политике, чем их более молодые (1934–1952 годов рождения) авторы воспоминаний. Для них главное – лишь бы не было войны, все прочие неудобства преодолимы.

Приходится учитывать и такое свойство памяти, как вытеснение неприятных воспоминаний в пользу благоприятных. Об этом свидетельствуют письма Ю.И. Коротаева и

¹ Кстати, Э.Я. Баталов упрекает западных коллег в том, что «они так и не осознали реальных масштабов и глубины существовавшего в условиях “зрелого социализма” двоемыслия».

**ОЦЕНКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА СУЛЬФАТЕ
РАЗНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ**

Описание	1-е поколение	2-е поколение	3-е поколение		Постсовет. поколение	Всего
			1934–1952	1953–1964		
1) объективное	–	–	1	–	–	1
2) нейтральное	1	8	16	1	1	27
3) между ностальгией и объективным	–	–	2	–	–	2
4) ностальгия в неявном виде	1	2	9	–	–	12
5) явно выраженная ностальгия	–	2	10	–	–	12
Всего	2	12	38	1	1	54

наших родителей, И.И. и А.С. Коротаевых. Им незачем было скрывать в письмах то, чему они были очевидцами.

Юрий Иванович родился в 1946 году на Сульфате. В 1970–1980-х годах работал бригадиром пресспата в сушильном цеху (в 1971 году награжден орденом «Знак Почета»), выпускавшем конечный продукт СЦБК, поэтому от работы этого цеха зависело выполнение плана комбината. Следует заметить, что реконструкция комбината в 1960-х годах проводилась по проекту, не соответствующему северным природно-климатическим условиям. Из-за этого пришлось в течение длительного времени приспособлять оборудование цехов к здешним условиям. В результате – частые остановки, поломки, ремонт. Главное же в том, что СЦБК после реконструкции перестал быть лидером среди ЦБК. Между тем на комбинате трудилась большая часть трудоспособного населения поселка. Утрата лидерства отразилась на работе комбината и его работниках, поэтому в 1970-х годах возрос отток населения с Сульфата. Письма Юрия Ивановича отразили реальную (напряженную) производственную и кадровую ситуацию в цеху и на комбинате, а также осложнение взаимоотношений между руководством сушильного цеха и рабочими.

Авторы воспоминаний, преимущественно учителя, акцентировали внимание лишь на благотворном сотрудничестве коллективов цехов и школьных классов, на помощи комбината в обустройстве классов, в организации выезда в пионерские лагеря и возвращения оттуда и т. п.

Письма И.И. и А.С. Коротаевых о производственной ситуации на Сульфате в 1970-х годах тоже далеки от оптимистических оценок: она в эти годы имела тенденцию к ухудшению. В воспоминаниях о 1970-х годах об этом нет ни слова.

Между тем часть авторов воспоминаний Сульфата (и других регионов страны) идеализировали именно 1970-е – первую половину 1980-х годов [4, 6], следуя принципу: лучшее время – годы без каких-либо потрясений, спокойные годы. Разумеется, на фоне нынешних: беспокойных, неопределенных, с конфликтом ценностей.

Таким образом, в целом подтверждается характеристика Головиным поколения 60-х и предшествующего поколения (1919–1933 годов рождения), а некоторые отличия объясняются заметной автономностью Сульфата как заводского поселка от собственно города. Судьба Северного округа Архангельска в значительной степени зависела и еще зависит от работы предприятий – СЦБК и СЛДК.

Список литературы

1. Баталов Э. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Обществ. науки и современность. 1994. № 6. С. 32–41; 1995. № 3. С. 60–70.
2. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.
3. Гуляихин В.Н. Правовая культура в России: природа и формы правового нигилизма: автореф. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2006.
4. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.
5. Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. М., 2005.
6. Коротаев В.И. Попытка реконструкции Архангельска в имперско-монументальном стиле // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные социокультурные ландшафты народов Европейского Севера России / сост. Н.М. Теребихин. Архангельск, 2006. С. 362–383.
7. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторические и социологические аспекты становления. М., 2008.
8. Пritchina Е.В. Трансформация политической культуры в циклах российской модернизации // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер.: Философия и педагогика. 2002. № 4. С. 81–90.
9. Тарасова Е.Г. Политическая социализация в СССР: идеологические основы и технологии воздействия на массовое сознание: 1945–1953 гг.: автореф. ... канд. полит. наук. М., 2006.
10. Чикишева А.С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему / отв. ред. Д.Л. Спивак. М.; СПб., 2009. С. 267–277.
11. Шевченко А.М. Социокультурная обусловленность ресоциализации дезадаптантов и девиантов в процессе общественных изменений: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnaya-obuslovlennost-resotsializatsii-dezadaptantov-i-deviantov-v-protssesse-obshc> (дата обращения: 25.12.2012).

References

1. Batalov E. Sovetskaya politicheskaya kul'tura (k issledovaniyu raspadayushcheysya paradigmy) [Soviet Political Culture (a Study of the Decaying Paradigm)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1994, no. 6, pp. 32–41; 1995, no. 3, pp. 60–70.
2. Golovin N.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii* [Theoretical and Methodological Basis of the Study of Political Socialization]. St. Petersburg, 2004.
3. Gulyaikhin V.N. *Pravovaya kul'tura v Rossii: priroda i formy pravovogo nigilizma: avtoref. ... d-ra filos. nauk* [Legal Culture in Russia: The Nature and Forms of Legal Nihilism: Dr. Philos. Sci. Diss. Abs.]. Rostov-on-Don, 2006.
4. Kozlova N.N. *Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi. Golosa iz khora* [Horizons of Everyday Life of the Soviet Era. A Voice from the Chorus]. Moscow, 1996.
5. Kozlova N.N. *Sovetskie lyudi: stseny iz istorii* [Soviet People: Scenes from the History]. Moscow, 2005.
6. Korotaev V.I. Popytka rekonstruktsii Arkhangel'ska v impersko-monumental'nom stile [The Attempt to Reconstruct Arkhangelsk in the Monumental Imperial Style]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury. Vyp. 2: Sakral'naya geografiya i traditsionnye sotsiokul'turnye landshafty narodov Evropeyskogo Severa Rossii* [Pomor Readings on Cultural Semiotics. Iss. 2: Sacred Geography and Traditional Sociocultural Landscapes of the Peoples of the European North of Russia]. Comp. by Terebikhin N.M. Arkhangelsk, 2006, pp. 362–383.
7. Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskie i sotsiologicheskie aspekty stanovleniya* [The Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Development]. Moscow, 2008.
8. Pritchina E.V. Transformatsiya politicheskoy kul'tury v tsiklakh rossiyskoy modernizatsii [Political Culture Transformation in the Cycles of Russian Modernization]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya i pedagogika*, 2002, no. 4, pp. 81–90.
9. Tarasova E.G. *Politicheskaya sotsializatsiya v SSSR: ideologicheskie osnovy i tekhnologii vozdeystviya na massovoe soznanie: 1945–1953 gg.: avtoref. kand. polit. nauk* [Political Socialization in the USSR: Ideological Foundations and Technologies to Influence Mass Consciousness: 1945–1953: Cand. Polit. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 2006.

10. Chikisheva A.S. Fenomen nostal'gii v postsovetsoy massovoy kul'ture [The Phenomenon of Nostalgia in Post-Soviet Mass Culture]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii. T. 6: Kul'turnoe nasledie: ot proshlogo – k budushchemu* [Fundamental Problems of Culture. Vol. 6: Cultural Heritage: From the Past to the Future]. Moscow, St. Petersburg, 2009, pp. 267–277.

11. Shevchenko A.M. *Sotsiokul'turnaya obuslovlennost' resotsializatsii dezadaptantov i deviantov v protsesse obshchestvennykh izmeneniy: dis. d-ra sotsiol. nauk* [Sociocultural Conditioning of Resocialization of Deviants and Disadapted Persons Under Changes in the Society]. Rostov-on-Don, 2004. Available at: <http://www.disserscat.com/content/sotsiokulturnaya-obuslovlennost-resotsializatsii-dezadaptantov-i-deviantov-v-protsesse-obshc> (accessed 25 December 2012).

Korotaev Vladimir Ivanovich

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

MEMOIRS: BETWEEN THE NOSTALGIC MYTH AND UNBIASED DESCRIPTION (Exemplified by Memoirs of Sulfat)

The paper studies the relationship between a nostalgic myth and unbiased description in the texts of memoirs exemplified by 54 recollections of Sulfat (Northern district of Arkhangelsk).

Keywords: *nostalgia, nostalgic myth, “catch-up” modernization, identity, socialization, resocialization, adaptation, disadaptation, Soviet person.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: istochnik07@rambler.ru

Рецензент – *Соколова Ф.Х.*, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и международных отношений института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова